

ГУБНЫЕ СПИРАНТЫ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ КУРСКИХ ГОВОРОВ

В статье рассматривается вопрос о губных спирантах в курских народных говорах. Сравниваются данные, полученные собирателями курского фольклора в XIX веке, с диалектными материалами, которые записаны в разных районах Курской области в последние годы. Анализ диалектного материала показывает, что губные спиранты оказались наиболее устойчивыми к воздействию литературного языка и не утратили своих исконных реализаций.

Русский национальный язык представляет собой сложное, перманентно изменяющееся явление, которое не только утрачивает во времени отдельные элементы своих языковых уровней и не только приобретает что-то новое, но также сохраняет важнейшие составляющие своего прежнего состояния. Народные говоры составляют фундаментальную часть русского национально-языкового населения России проживает в сельской местности. Необходимость всестороннего обследования и описания диалектного материала диктуется современной лингвистической ситуацией, при которой неуклонно сокращается сфера функционирования русских диалектных систем. Все современные процессы, происходящие в русских народных говорах, определенно детерминированы прошлым. Для диалектологии как науки исторической важно воссоздание истории русского языка в его региональных разновидностях на всем протяжении его существования. Чтобы решить эту проблему, необходима реконструкция истории разных диалектов, истории их возникновения и развития. Необходим анализ распространения диалектных явлений на той или иной территории, специфики расширения или сужения локализации диалектизмов.

Синхронное описание русских народных говоров является средством и материалом для воссоздания истории русского национального языка. Без понимания динамики языковых явлений в современных говорах невозможна научная интерпретация тех диалектных вариантов, которые сложились в данном языковом кластере в разное время и в силу разных лингвистических и экстралингвистических причин. Описание диалектного фонетического материала в данной статье отражает как синхронное состояние курских говоров, представляющих собою безусловную языковую реальность, так и диахронную интерпретацию «подвижных» языковых элементов – губных спирантов.

Диалектный ландшафт Курского края (летописное Посемье) в системе национального русского языка имеет свою специфику, заключаю-

щуюся в том, что на сравнительно небольшой территории в Курской области образовалось большое число говоров, представляющих собой совокупность диалектных микросистем. Курские говоры делятся на две большие группы: говоры с исконно-русской основой и говоры с исконной украинской языковой основой и проявляют различную толерантность к воздействию русского литературного языка. Исследуя лингвистическое пространство «украинных» земель российского юга, М.Г. Халанский сто лет назад в труде «Народные говоры Курской губернии» (1) отмечал следующее: «Звук **в** заменяется через **у** в начале слов перед согласным: *ус'о́, уну́к, ур'е́мя* (отдельно *усе вр'е́мя*), *устáл* – встал, *удава́, ули́т'ела* птичка *ув акно́ и свила́ саб'е́ гн'бздушка у хáтя*. Перед **у** звук **в** выпадает: *д'е́ушка...удбушка малада́*. Вместо предлога **у** перед следующей гласной слышится постоянно **ув**: *уваднóм дóбмя, уваднэй хáтя, уваи́бл увызбу и нашол увызб'е́ сваих дят'и́шак*» (1, с. 9). Тексты народных песен, записанные М.Г. Халанским, дают обширный материал по заменам звука [в] звуком [у]. Например, в записях, маркированных Щигровским и Тимским уездами, мы находим такие примеры (запись орфографическая, как в сказках): *у хóладя, у галóвку, галóушку, дёушка карóушку дайла, у высóк тёрям, у салóбмя, у вам'о́тя, у вабёда, у дру́гя, у зил'о́нам калпакé, у лаптíшкэх, уз'áли, вяду́ каня у павадóчку, па дубрóушку, на галóушку, галóвушку, в чíстам пóл'е, в бялэ шатрэ, уздахнóвши, усплакнóвши, узвьисялítь, ни вмéю, вдáрил, в нас, у садú низгóдушка, спрашу я в салóвьюшки, вдяржáть, в минé, вóмная, у утóку, дёушка, дёвками, на застáушку, удбушка-удава́, вдбв-ки, удóвичяй абычай ни дявiчяй, крылушки далгiя – носики вастрья, узыгрáлась, у карабóк, у тех дварáх, у двóриках у пóля, усéм, улюблен у кавó, вóстрай нóжык, у акóнушка, у вичёря, ус'у́, усяк, у сялó, в сялó хадiть, успрашывають, у варатничка́х, у лáвку, усех, в нас (у нас), в пагрябóк, в аднú избú, у присятку, у погóнь пагнáл, ни у дирéвни, ни у силé, у бялóм шатрэ, у прóлуп галавóю, галóвушку, карóушка, карóушка, в тэ́стя на дварé, в тешишы в тирямé, в лáскава тэ́стя на дварé и*

под. Аналогичную ситуацию наблюдал М.Г. Халанский в Обоянском и Суджанском уездах: *вóкна, на вулицу, у зеленой слабаде, как у нашай у дирéвни, у виселаи слабаде, любóв* (по-видимому, на конце слова был [w]), *узьял сáблю, узьял вóстру, яво буйня галóфка, удóвушку люблю, удывá, ус-плакнóла*. Другой собиратель курского фольклора, учитель Обоянского уездного училища, почетный член Русского географического общества А.С. Машкин делал записи русских народных сказок, рассказанных ему на Курщине, которые хранятся в Географическом обществе РАН в г. С.-Петербурге¹ [2]. В процессе работы над региональными архивными материалами мы сделали некоторую выборку примеров из этих текстов, демонстрирующих реализацию губных спирантов в курских говорах середины XIX века. Источником послужили несколько сказок, собственноручно записанных собирателем на слух: *ус'ó, уставáть, устáл, вон (он), уз'áл, уз'илá, уз'явши, у св'этя, ус'э, (но: аба всем), луччи ус'эх, пайду у балóта, у н'экатарам цáрстви, у н'экатарам гасудáрстви, у л'ягушиáчьей шкóрачки, узóхалась, пашóл у кúзню, у гóсти едить, у дрямúчий т'óмный л'эс, удрух, нóс у паталóк урóс, наустр'эчу, у лáвку, у сахъянаи сапóшки адивáщица, у гасьтях, у гóсьтьюшках гастюя, в нас Михайлушка свéт Ягóравичь, уставáть, у лáвку, у сердце, у доми, у диреуни, в тебе* и под. Аналогичных примеров можно наблюдать большое количество. Видно, что губно-зубная реализация фонемы <в> – курских текстах XIX века представлена лишь в положении перед гласными звуками. Современные курские говоры дают богатый материал для более детального, чем это было сделано в работах старых лингвистов, изучения путей развития губного согласного. Было обследовано большое количество диалектных текстов, записанных на магнитофон, репрезентирующих говоры разных районов Курской области [3, 4]. Учеными уже отмечалось, что усвоение губно-зубной артикуляции звонкого спиранта в разных позициях в слове и в разных говорах происходило неодновременно. Очевидно, раньше всего губно-губной спирант изменял артикуляцию в позиции перед гласными звуками. Об этом свидетельствует большое количество реализаций губно-зубного [в] перед гласными наряду с немногочисленными употреблениями [w] в живой речи курских информантов. Итак, в современных курских говорах в позиции перед гласными мы можем наблюдать следующее произношение звонкого губ-

ного спиранта: *с вáйн'э, явó, бувáль, у вьднávó, в'изáт', ваз'м'эт' (Кастор.), пр'ив'á'зывають, wóт, м'ил'ивóны у вóздух, зьб'идавáл'и, св'икрóв'ья (Железн.), жывú, жыву (Дмитриев.), быwáль, буwáль, в вадú, упрáв'юцць, ув'язúт', у kawó, вым'ирзн'я, wот, у гр'úву, сьлавáсь (целоваться), в'яр'хóл'сы м'ин'áт', варóжут, кърwáт'ий, н'и давáют', жыв'эм (Фатеж.), пержыwáт', н'ир'ижыwáл'и (Рыльск.), св'якрóвью, (Тимский), вьявáл'и, дьбравóл'нь, wóт, нь в'яч'орку, д'явáциць, из Маскв'э, з д'ив'ит'и, в'еул'и, вапалн'áль, карóвь (Курск.), карóва, карóу дайлъ, wóт как, с н'яв'эскый, навьпужал'ис'я, зв'яно, вьскрыс'энье (Горшеч.), св'óкар, удóушкць, кравáт' (Солнц.), дьвáл'и, скирдавáл'и (Мантур.), с вьлакнá (Глушковс.), жывú (Хомутовск.), wóт, нав'эрнь, (Золотух.), карóву, явó, д'в'эр'и, сп'ирвá, выл'изл'и, прьвэд'ылъ, (Обоян.), двá, пр'и'в'ядúт', вáр'я, правúя (Суджанск.).*

Как можно видеть, губно-зубная артикуляция фонемы <в> практически вытеснила другие реализации в положении перед гласными. Абсолютное большинство употреблений фонемы <в> представлено звуком [в]. Лишь в некоторых случаях перед лабиализованными гласными [о], [у] сохраняется билабиальность звонкого сонанта: *wóт, карóва, жывú*. «В настоящее время диалектные массивы, знающие [w], [ў], испытывают воздействие говоров с [в] губно-зубного образования спирантом, оглушающимся в [ф]. Это воздействие поддерживается влиянием литературного языка, также имеющего в своей консонантной системе спирантную пару [в] – [ф]» (5, с. 121). В наших материалах, отражающих произношение звонкого спиранта на Курщине, встретились примеры, демонстрирующие пропуск звука [в] в интервокальном положении: *д'эушкць, карóушкць, карóушку, карóу дайлъ, удóушкць, трау кас'ыл'и* (наряду с произношением *карóву, карóву, д'эушкць, трава*). Это неоспоримо свидетельствует о губной артикуляции репрезентантов фонемы <в> в курских говорах как в прошлом, так и сегодня. В позиции перед шумными согласными на Курщине звонкие губные спиранты репрезентируются следующим образом: *уз'áл'и, ус'ягдá,, уступ'ыл'и, ус'ó и так'и, wс'ó и так'и (Касторен.), прáвда, wилá, д'в'э (Железн.), ус'эм, вал'цóвку, д'эвк'и (Фатеж.), уз'áл'и, wс'úды, wс'игдá, уступáл'и (вступали), нь Хьбатóвку, вже (Рыльск.), wdрух, ус'ó, wс'ó,*

¹ А.С. Машкин – известный курский собиратель фольклорных материалов, удостоен звания «почетный этнограф».

фс'у, аўс'аны́й сўпч'ук, праўдѣ (Тимский), уз'ялѣ, уз'ал'и, сѣ взрѣслым'и, д'ивчѣнкѣм'и, ус'ѳ, фс'ѳ, узрѣслыи д'еўк'и, з д'еўкѣм'и, нѣ утарѳм кўрс'и, уз'илѣ бы, фс'игдѣ, утарѳй, (Курск.), ус'ѣм, wzрѣслыи ид'ат', ус'ѳ, ус'ивѳ хвѣтаит', ус'ивѳ удѳвѣль', ус'ѣх (Горшечн.), фс'ѳ, ус'ѳ, узаил'и и жад'ѣноўцы и кал'иноўцы, удѳушкѣ, wстр'ичѣл'и (Солн.), use, заwхѳзѣм (Мантур.), укўсны́й, ус'ивѳ (Глушков.), ув'ѣс', вѣхѣл'и (уехали), (Коньшевск.), в Ифрас'имѣwk'и, пѣwтарѣю, wстывѣй, wz'илѣс'я, д'ѣwка, назѣўтрѣвѣ, залѳўкѣ, wч'ин'ай п'ирагѣй, упѳр'ит' ч'ап'ел'н'икѣм, вдѣр'ит', штоп за вхѣж'ѳрѣ пѣпѣс'т' (Хомутов.), вѣже н'и в'ѣр'ицѣф, ус'акѣи, ус'ѳ, выв'и'илѣс', устывѣй, Вѳўку, Л'явѳноwку, с Л'явѳнѣwk'и (Б.-Солд.), wстр'ивѣл'и, ус'ѳ, д'ѣwk'и, фс'ак'их, (Пристенск.), w Лѣбѣзѳwk'и, Лѣбѣзѳwkѣ, wс'ѳ (Октябр.), фс'ѣначнѣю, нѣзѣфтрѣ, ус'ѳ, wс'ѳ (Курчат.), у Л'юб'имѣwk'ѣ (Кореневск.), з д'ифч'ѳнкѣй, w Будѣн'ѣўку, Клѣўкѣ, wdѣр'ил зѣ мнѳй (Золотух.), посл'изѣўтр'ивѣ, wдѣвѣ, удрѣх, фс'и, винтѳwку, (Обоянск.), wс'ѣ домѣ был'и, д'ѣўк'и, П'итрѳфк'и, фс'ѣ, ус'ѳ, (Льговск.), удл'ѣз'им, бѣбы – wdѳвы, фс'ѳ, харѳшыва, зѣрѣбѣтывал'и, wт, рѣздѣвѣл, кѣвѳ кудѣ (Дмитр.), ус'у, wжѣ, ус'ѳ, фс'ѣ, фсплѣлѣ – тѣ, квѣс, квѣсѳл'я, бѣвѣлѣч'и, wс'ѣ, д'ѣw'к'и, wс'ак'им'и, wѳт, wс'ѳ, уз'д'ѳву зѣрѣбѣтыват', рѣдѣво, ус'ѳ, ўс'ѳм, зѣwтрѣ (Судж.), зѣ Кѣч'ятѳwkѣй, Ахѳч'иwk'ѣ (Щигровск.).

Наблюдаемые материалы показывают, что в позиции перед звонкими шумными согласными фонема <в> встречается редко и синтагматические отношения между <в> и звонкими шумными ограничены сочетаемостью с [д] и [з]: удѳвы, удрѣх, wдѣвѣ, wdѣр'ил, wzрѣслыи, узрѣслыи, удав'ѣл, праўдѣ, правѣдѣ. Фонема <в> в положении перед шумными согласными в современных курских говорах реализуется в следующих звуках: [у], [в], [w], [ў], [ф].

Перед глухим заднеязычным наблюдается реализация фонемы <в> в виде согласного [w] и неслогового [ў]: д'ѣwkѣ, Клѣўкѣ, Л'ўб'имѣwки, Ифрас'имѣwk'и и под. В позиции перед сонорными согласными: влас'т', (Кастор.), wм'ѣс'т'и, wнўк'и, справл'ѣлс'я, (Железн.), унўк, унўч'ика, глѣвнѣя, (Дмитр.) пѣт кѣврѣм'и, врѣх (Фатеж), унўчѳк, урѣжѣю кѳжу, wr'ѣм'я (Рыльск.), у д'ир'ѣўн'ю, унўш'к'и (Тимский), раўно, у д'яр'ѣwн'ю, ум'ѣс'т'я, нѣ враш'ѣ (Курск., Медв.), пѳрѣўну, пѣлавн'и, (Горшечн.), ум'ѣс'т'я, в д'ир'ѣwн'и, Солн.), урѳс', ум'ѣс'тѣ, (Мантур., Обоянск.), ум'ѣс'т'и (Горшечн.), wнўкѣ (Глушков.), ур'ѣм'я

тѣкѳе (Б.-Солд.), Мѣкарѣwнѣ (Пристен.), вѣхѣл, в д'ир'ѣwн'и (Окт.), wнўкѣw (Кореневск.), wмувѣл'и (Обоян.), зѣ мнѳй (Золотух.) Судя по примерам, в положении перед сонорными согласными в говорах Курщины практически в одинаковой степени <в> реализуется в звуках [в], [w], [ў]. Приведем некоторые примеры употребления сонанта на конце слов в современных курских говорах: стѣрѣцѣw, из кулакѳw w, п'ирагѳw, (Суджанск., Кастор.), жѣw (Железн.), брѣт'ѣw, клѣсѣw (Дмитр.), сапѳw (цепов), дѣ кѣлхѳзѣw, снапѳw, жѣн'ихѳw, гѣдѳw (Фатеж.) нѣма н'ѣмѣѣф, гр'ибѳw, (Рыльск.), дрѳw, сѳрак хўнтѣў (Тимский), б'из укѳлѣw, шѣс' клѣсѣw, клўбѣw-тѣ н'ѣ былѣ, п'ятѣхѳw пѣимѣим, у т'ѣх хѣзѣивѳw (Курск.), у ѣѣркаў, карѳў, прѣз'н'икѣw, крѳф' (Горшечн.), садѳw, бѣр'инѳw, двѣрѳw, кѳхтѣw (Мантур.), разѳw п'ѣт', двѣрѳw п'ѣт' (Коньшев.), М'итр'иw д'ѣн' (Хомутовск.), с'ѣм клѣсѣф, (Пристен.), сынѳў, брѣтѣw, карѳў, (Обоян.), П'итрѳw д'ѣн' (Льговск.) к'илам'ѣтрѣw, любѳў была, п'ирашкѳw. В позиции конца слова в говорах Курской области фонема <в> наблюдается в следующих реализациях: [ў], [w], [ф]. Надо заметить, что реализация [ф] на конце слова является единичной (отмечена в речи наиболее продвинутых в плане овладения литературным языком информантов в Пристенском, Курском и Рыльском районах). Причем в Рыльском районе – в речи информанта-мужчины, которые, как известно, скорее вытесняют из своей речи диалектные проявления. Редчайшее употребление [ф] на конце слов свидетельствует о преимущественно сонорном качестве <в> в курских народных говорах. Аналогичные модификации фонемы <в> имеют место при употреблении ее в предлогах: [у]: у кухѣркѣх, у завѳт (Кастор.), у Мукѣч'ив'ѣ, у клўп (Железн.), у Кўрс, (Дмитр.) у снапы, у р'ѣш'ку, (Железн.), у карѣт'и, у пл'ятѣхѣх (Фатеж.), у дирѣўню, н'ѣ у шѣм былѣ хѣд'итѣ, у шкѳлу, у с'ял'ѣ, у стар'инў, у нар'ѣтк'и, у Маскв'ѣ (Рыльск.) у сѣрѣйч'ику, у Пѣгѳжѣм, у бр'ўкѣх, (Тимский), у пр'ѣтк'и, у чужѣю с'ямѣю, у ѣѣркаў, у тѳптѣлк'и (Курск., Медвен.), у гѳлад'и, у хѳлад'и, у рабѳт'и, у хѣт'ѣ, у пр'истѣпѣк, у гѳлѣву н'я л'ѣзлѣ, у салѳм'и (Горшечн.), у чужѳя с'ялѳ, у бѣльн'ицѣ пѣйд'ѣт', у гѣладѳўку, у вѳс'им, у хѣт'и (Солн.), у д'ѣн' (Глушк.), у капѣустѣ, у кѣлхѳз'я, у Бѣгданѳwку, ус'ѳ (Коньшев.), у Жѣд'ѣнѣwку, (Хомутов.), д'ѣн' у д'ѣн', у кѣрагѳт, у сѣвѳзѳы, у пѳгр'ип, у б'ѣлѣй св'ѣт как у кап'ѣичку (Б.-Солд.), у ваеннѣм ув'ѣс', у Мѣсквѣ (Пристен.), у П'ѣтр'инку, у р'ѣш'ку, у рак'итк'и, у юпѣш'кѣх,

у *кóхтъш'къх*, у *калхóз'и*, *д'эв'иш'им мънастыр'э*, у *цёркъъв* (Октябр.), у *клѹп*, в *эт'им*, у *хат'онъчкъх*, у *куруш'чкъх*, у *кънюхáх*, у *л'эс*, у *д'ир'эун'и* (Курчат.), у *кѹхн'и*, у *такѹю-тъ*, у *лѣпт'áх*, у *шѹбъх*, у *худых ад'óжъх* (Суджанск.), у *пл'яну*, у *нóгу*, в *д'ир'эвн'ю*, у *аднѣй*, у *нашый*, у *м'ин'э*, у *Ягáрцевъм*, у *вагóны*, у *пóл'я*, у *ск'ырды* (Щигровск.). [Ув (увъ)]: у *адный хат'и* (Обоянск.), у *въ с'н'э* (Судж.), у *анбáр* (Курчатовск.), у *áрм'ию* (Беловск., Горшеч., Рыльск.), у *св'áз'и* (Дмитр.), у *аднóй* (Кореневск.), у *вайну* (Курск.) [ф]: *ф шкóл'и* (Дмитр.), *ф шкóл'е* (Железногорск.), *ф ф'иврал'э* (Щигровск.) [в]: в *áрм'ию*, (Дмитр.), в *ад'ин двор* (Фатежск.) в *з'ямл'э*, в *них* (у *них*) (Курск.) в *плахóе вр'эм'я* (Горшеч.), *слажыли фс'ó* в *кѹш'иш'ку* (Коньшевск.), в *аицá* (у *отца*), *хл'эбушек был*, (Октябр.) в *такóе ур'эм'я* (Суджанск.) в *калхóс* (Щигровск.), в *Абхáз'ию*, в *Абхáз'иш* (Б.-Солд.) [w]: *w л'эс*, *w свáйх*, *w с'имьé* (Фатежск.), *w нас* (Рыльск.) *w калхóс*, *w калхóз'я*, *w сáвхóз'и* (Курск. Пристенск.), *w прáзн'ик'и*, *w цёркву* (Солнц.), *w цёркв'и* в *ин'чал'ис'* (Коньшевск.), *w кáш'иств'и* (Хомутовск.), *w кусты* (Октябр.), *w хату*, *w Сѹджъ*, (Кореневск.), *w т'э-тъ* (Обоян.), *w шалкѹ бѹд'ит'е хад'ит'*, *w ч'истат'э* (Суджанск.) *w Кѹрск'е* (Щигровск.).

Несложная статистика показывает, что абсолютное число реализаций предлога в придомитя на гласный звук [у]. Далее по убывающей: меньшее число в виде сонанта [w], еще меньше – в виде согласного [в]; незначительное число реализаций в виде сочетания [ув (увъ)]. Последний вариант предлога был значительно более распространен в курских говорах прошлого, о чем свидетельствуют старые диалектные записи. В настоящее время этот инвариант предлога в курских говорах употребляется лишь в ситуациях хиатуса: *ув áрмии*, *ув*

анбáр, *ув аднóй*; или в тех случаях, когда необходимо создать вокалическую разрядку неудобнопроизносимых консонантных сочетаний: *увъ с'н'э*. Следует отметить крайне редкое звуковое оформление предлога в виде глухого губно-зубного согласного [ф]: ф феврале, ф шкóлу, ф шкóл'е (наряду с перманентным у шкóлу, у шкóл'е). Как можно видеть, на всей территории курских говоров предлог в преимущественно реализован инвариантами губно-губной артикуляции. Он функционирует как [у], [w], [ув (увъ)], [в] и крайне редко – [ф]. Во многих случаях в курских говорах в абсолютном начале слова появляются протетические звуки [у] и [в]. Появление фонетически необусловленного звука свидетельствует о том, что в артикуляции большинства курских говоров до сих пор наблюдается высокая степень сонантности губно-зубного согласного: *въпшыжыт'ийъ*, *вóс'ин'* (Железн.), *ни упам'óр* (Рыльск.), *вóвцы* (Тимск.), *ув'эс'* (Курск.), *нъ вѹл'ицу* (Горшечн.), *вѹжнът'*, *павѹжнъл'и*, *па вѹл'ицы*, *у вѹднавó* (Солнц.), *за вѹх'и*, (Горшеч.), *вѹгл'я*, *вѹгъл'*, *вѹжын* (Б.-Солд.), *ув'эс'* (Пристен.), *вóн* (он), *упамер* (Мантуровск.) В середине слова в интервокальной позиции возникает явление *эпентезы*: *павѹжнъл'и*, *Л'явóнъккъ*, *м'ил'ивóны*, *рáд'ивъ* (Хомутовск., Рыльск., Горшеч., Коньшевск.)

Таким образом, представленный в данной статье материал свидетельствует о том, что говоры Курской области содержат фонему <в>, повсеместно реализующуюся в звуках [у], [w], [в], [ѹ], [ф]. Говорить о том, что на языковом пространстве Курской области идет активное вытеснение губно-губного варианта в пользу губно-зубного [в] под воздействием литературного языка или факторов внутриязыкового развития, пока преждевременно.

Список использованной литературы:

1. Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904.
2. Географическое общество РАН, научный архив, разряд XIX, опись 1 (1840-1850). СПб.
3. Волкова Н.А., Праведников С.П. Курские говоры. Звучащая хрестоматия. Часть 1. (Приложение к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка №9). Курск-Бохум, 1999.
4. Волкова Н.А., Праведников С.П. Курские говоры. Звучащая хрестоматия. Часть 2. (Приложение к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка №13). Бохум, 2002.
5. Васильева А.К. О закономерностях возникновения в русских говорах юго-западной зоны спирантной пары [в] – [ф] // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.